

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94(394)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-216-226>

Трансформация земельных отношений в российской деревне в период «черного передела» (1917–1918 годы)

А.А. Колупаев¹✉¹ Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kolupaev79@mail.ru

Резюме

Актуальность. Исследование «черного передела» сохраняет исключительную актуальность, поскольку данный феномен представляет собой ключевой момент в аграрной истории России, предопределивший траекторию развития советской деревни и заложивший основы для последующих социально-экономических катаклизмов, включая насильственную коллективизацию и голод. Анализ этого периода позволяет глубже понять природу революционного процесса и механизмы взаимодействия власти и крестьянства.

Целью настоящей работы является комплексный научный анализ процесса трансформации земельных отношений в российской деревне в период 1917–1918 годов, выявление его предпосылок, движущих сил, ключевых этапов, а также оценка его многоаспектных и противоречивых последствий для социально-экономической структуры аграрного сектора.

Задачами исследования являются: систематизация исторических предпосылок «черного передела», включая анализ общинных традиций и провала правительственных аграрных реформ; реконструкция хронологии и динамики аграрного движения в 1917 году; оценка роли «Декрета о земле» как инструмента легитимации стихийного процесса; анализ непосредственных и долгосрочных последствий перераспределения земли.

Методология. Статья базируется на принципах историзма и системного анализа. Применяется историко-генетический метод для прослеживания истоков аграрного вопроса, а также сравнительно-исторический метод для анализа региональных особенностей передела.

Результаты. В статье продемонстрировано, что «черный передел» являлся не только актом стихийного крестьянского движения, но и объектом целенаправленной политической манипуляции со стороны большевиков. Установлено, что легализация передела через «Декрет о земле» позволила новой власти заручиться временной поддержкой деревни, одновременно заложив основы для будущего этатизма в аграрной сфере.

Выводы. «Черный передел» стал кульминацией вековых крестьянских чаяний, но его реализация привела к парадоксальным результатам. Удовлетворив «земельный голод» в краткосрочной перспективе, он спровоцировал дробление хозяйств, упадок агрокультуры и сохранение социальной напряженности, создав тем самым предпосылки для дальнейшей трагедии российской деревни и утверждения тоталитарного контроля над сельским хозяйством.

Ключевые слова: черный передел; аграрный вопрос; революция; Декрет о земле; крестьянство; земельные отношения; продразверстка.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Колупаев А.А. Трансформация земельных отношений в российской деревне в период «черного передела» (1917–1918 годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 216–226. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-216-226>.

Поступила в редакцию 25.10.2025

Принята к публикации 17.11.2025

Опубликована 25.12.2025

Transformation of land relations in the Russian village during the "black redistribution" period (1917–1918)

Andrei A. Kolupaev¹✉

¹Southwest State University,
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉e-mail: kolupaev79@mail.ru

Abstract

Relevance. The study of the "black redistribution" remains exceptionally relevant, as this phenomenon represents a key moment in the agrarian history of Russia, predetermining the trajectory of development of the Soviet village and laying the foundations for subsequent socio-economic cataclysms, including forced collectivization and famine. An analysis of this period allows for a deeper understanding of the nature of the revolutionary process and the mechanisms of interaction between the government and the peasantry.

The purpose of this paper is to provide a comprehensive scientific analysis of the process of land relations transformation in the Russian village in 1917–1918, identify its prerequisites, driving forces, and key stages, and assess its multifaceted and contradictory consequences for the socio-economic structure of the agricultural sector.

Objectives of the study are: systematization of the historical preconditions for the "black redistribution," including an analysis of communal traditions and the failure of government agrarian reforms; reconstruction of the chronology and dynamics of the agrarian movement in 1917; An assessment of the role of the "Land Decree" as an instrument for legitimizing a spontaneous process; an analysis of the immediate and long-term consequences of land redistribution.

Methodology. The article is based on the principles of historicism and systems analysis. A historical-genetic method is used to trace the origins of the agrarian question, as well as a comparative historical method to analyze the regional characteristics of the redistribution.

Results. The article demonstrates that the "black redistribution" was not only an act of a spontaneous peasant movement but also an object of targeted political manipulation by the Bolsheviks. It is established that the legalization of the redistribution through the "Land Decree" allowed the new government to secure temporary support from the villages, while simultaneously laying the foundations for future statism in the agrarian sector.

Conclusions. The "black redistribution" was the culmination of centuries-old peasant aspirations, but its implementation led to paradoxical results. While satisfying the "land famine" in the short term, it provoked the fragmentation of farms, the decline of agriculture, and the continuation of social tensions, thereby creating the preconditions for the further tragedy of the Russian village and the establishment of totalitarian control over agriculture.

Keywords: black redistribution; agrarian question; revolution; Land Decree; peasantry; land relations; food appropriation.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kolupaev A.A. Transformation of land relations in the Russian village during the "black redistribution" period (1917–1918). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(6):216–226. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-216-226>.

Received 25.10.2025

Accepted 17.11.2025

Published 25.12.2025

Введение

Период, вошедший в историографию под метафорическим наименованием «черный передел», охватывающий 1917–1918 гг., представляет собой не просто один из эпизодов российской революции

1917 г., но ее системообразующий стержень, кульминационную точку многовекового антагонизма, определявшего социально-экономический ландшафт Российской империи. Это явление, характеризовавшееся тотальным и зачастую насильственным перераспределением зе-

мельного фонда, стало моментом истины для российской деревни, обнажив глубинные пласты крестьянского правосознания, архаичные представления о справедливости и вековые чаяния о земле. Анализ данного феномена требует выхода за рамки простого описания фактов экспроприации и раздела земель; он предполагает глубокое погружение в ментальную и социальную структуру русского крестьянства, а также в диалектику взаимодействия стихийного народного движения и политического волюнтаризма пришедших к власти партий. Именно в горниле «черного передела» были выкованы те социальные и экономические реалии, которые предопределили дальнейший вектор развития советского государства, его аграрную политику и в конечном счете трагическую судьбу самого крестьянства как класса. Понимание механизмов, запустивших этот маховик радикальных преобразований, и последствий, к которым он привел, является ключом к осмыслению всей советской эпохи.

Методология

Адекватное научное осмысление такого многогранного и исторически детерминированного феномена, как «черный передел», требует применения комплексной методологической парадигмы, способной интегрировать различные уровни анализа – от макроисторических процессов до микроуровня крестьянского правосознания. В основе настоящего исследования лежит принцип историзма, который предполагает рассмотрение «черного передела» не как изолированного события, а как закономерного результата длительной эволюции аграрных отношений и социальных антагонизмов в России. Центральным методом исследования выступает историко-генетический метод. Его применение позволяет проследить генезис «черного передела», уходящий корнями в пореформенную эпоху. Историко-генетический подход

дает возможность реконструировать процесс накопления социального недовольства и формирования в крестьянской среде устойчивых представлений о необходимости всеобщего уравнительного передела, что и составило идеологическую базу событий 1917–1918 гг. Не менее важным является применение системного анализа, который позволяет рассматривать «черный передел» как сложную динамичную систему, состоящую из взаимосвязанных элементов: экономического, социального, политического и культурно-психологического. В рамках исследования широко используется сравнительно-исторический метод. Он применяется, в частности, для сопоставления аграрного движения 1917 г. с крестьянскими выступлениями периода революции 1905–1907 гг. Особое место в методологическом инструментарии занимает анализ источников нормативного характера, прежде всего «Декрета о земле». Здесь применяется метод историко-юридического анализа. Наконец, в работе используются элементы количественного анализа (клиометрии) при работе со статистическими данными. Интеграция этих методов позволяет создать целостную, многоуровневую картину «черного передела», раскрыть его внутренние механизмы и оценить его историческое значение как поворотного пункта в судьбе российской деревни.

Результаты и их обсуждение

Истоки «черного передела» невозможно понять вне контекста уникальной аграрной цивилизации России, ядром которой выступала крестьянская община. Именно в недрах общинного землевладения сформировалась и укоренилась идея о том, что земля является «ничьей», «Божьей», а право на пользование ею дает исключительно труд. Этот фундаментальный постулат крестьянской этики находился в непримиримом противоречии с юридическими нормами частной собственности, насаждавшимися госу-

дарством [1, с. 5–10]. Традиция регулярных «равнений» или переделов общинной земли, направленных на уравнильное распределение участков между дворами в соответствии с количеством работников или едоков, сформировала у крестьян устойчивый психологический паттерн. Они экстраполировали этот механизм на всю совокупность земельных ресурсов страны, воспринимая помещичьи, государственные и церковные владения как временно и несправедливо отчужденную часть общего достояния, подлежащую возврату и справедливому разделу. Ожидание этого всеобщего, «черного» (в значении «общенародного», «по земле») передела стало неотъемлемой частью крестьянской эсхатологии, мессианским чаянием, передававшимся из поколения в поколение по крайней мере с момента отмены крепостного права в 1861 г. [2, с. 14–18] Реформа 1861 г., освободив крестьян юридически, не решила главной проблемы – земельной, оставив значительную часть лучших угодий в руках помещиков и обременив крестьян выкупными платежами. Это «половинчатое» освобождение лишь усилило убежденность крестьянства в грядущем втором, подлинном освобождении – освобождении с землей.

Ситуация драматически усугубилась на рубеже XIX–XX вв. Демографический взрыв, пришедшийся на царствование Николая II, привел к резкому росту сельского населения без адекватного расширения производственной базы или альтернативных каналов занятости. Это явление, известное как аграрное перенаселение, породило колоссальный избыток рабочей силы в деревне, обострив до предела проблему малоземелья [3, с. 13–16]. Крестьянские наделы дробились, превращаясь в карликовые участки, неспособные прокормить растущие семьи. На этом фоне латифундии помещиков, часто использовавшиеся неэффективно, выглядели вопиющей социальной несправедливостью, постоянным укором и

источником глухой ненависти. Социальное неравенство в деревне было не просто экономическим фактором, оно приобретало экзистенциальное, почти метафизическое измерение, разделяя мир на «тружеников» и «паразитов».

Попытки царского правительства найти выход из аграрного тупика, принятые в рамках Столыпинской аграрной реформы (1906–1917 гг.), оказались фатально запоздалыми и недостаточными по своему масштабу и концептуальной глубине. Реформа, делавшая ставку на разрушение общины и формирование класса фермеров-собственников по западному образцу, не учитывала ментальные установки большинства крестьян. Массовое переселение в Сибирь и на Дальний Восток, хотя и имело определенный эффект, не могло абсорбировать весь избыток населения европейской части России. Закрепление земли в частную собственность (выход на хутора и отруба) было воспринято многими общинниками как посягательство на коллективные устои и вызвало ожесточенное сопротивление. Столыпинская реформа, по сути, пыталась насадить капиталистические отношения в среде, чье мировоззрение оставалось глубоко антикапиталистическим. В результате, несмотря на определенные экономические успехи, реформа не только не сняла, но и в некоторых аспектах усугубила социальное напряжение, добавив к антагонизму «крестьяне-помещики» новый конфликт – «общинники-единоличники» [3, с. 17–18]. К 1917 г. провал этой последней попытки эволюционного решения аграрного вопроса стал очевиден. Подавляющее большинство крестьянских наказов, направлявшихся в различные инстанции, содержало одно главное, ультимативное требование: конфискация всех нетрудовых земель и их передача в ведение крестьянских общин для уравнительного распределения. Почва для революционного взрыва была готова [4, с. 97–100].

Февральская революция 1917 г. и падение монархии послужили тем детонатором, который привел в действие накопленный за столетия потенциал социального протеста. Для крестьянства крах самодержавия означал не столько смену политического режима, сколько исчезновение сакральной силы, сдерживавшей их от прямого действия. Временное правительство, составленное из либеральных и умеренно-социалистических деятелей, оказалось в ловушке собственных доктрин. Оно призывало крестьян ждать решения земельного вопроса до созыва Учредительного собрания, апеллируя к законности и правопорядку. Однако для крестьян, чье правосознание основывалось на «правде», а не на «законе», эти призывы были пустым звуком. Они начали действовать немедленно, воспроизводя и многократно усиливая сценарии революции 1905 г. Весна 1917 г. ознаменовалась началом лавинообразного аграрного движения, которое стремительно радикализировалось. Статистика, при всей ее неполноте, красноречиво свидетельствует о нарастании этой волны: если в апреле было зафиксировано 205 «аграрных беспорядков» в 42 губерниях Европейской России, то в мае их число выросло до 558, а в июне – до 1122 [5, с. 167–170]. К осени, на фоне паралича центральной власти и развала армии, движение приобрело характер всеобщего восстания. С 1 сентября по 20 октября 1917 г. было зафиксировано свыше 5 тыс. инцидентов, что означало фактическую ликвидацию помещичьего землевладения на большей части страны еще до прихода большевиков к власти [6, с. 31–35].

Действия крестьян носили стихийный, неорганизованный характер и зачастую выливались в формы, которые можно охарактеризовать как социальный вандализм. Погромы помещичьих имений сопровождалась не только разделом земли и запашкой полей, но и грабежами, поджогами усадеб, уничтожением племенного скота, вырубкой садов и парков, разгромом библиотек и культурных цен-

ностей. Этот иррациональный на первый взгляд элемент разрушения был проявлением глубокой социальной мести, стремлением уничтожить не только экономическую основу, но и сами символы чуждого, «господского» мира. В этом хаосе, однако, прослеживалась и определенная логика. Ключевую роль в придании стихийному движению некоего подобия организованности сыграли местные органы крестьянского самоуправления – Советы крестьянских депутатов и волостные земельные комитеты. Эти структуры, в которых доминировали представители партии социалистов-революционеров (эсеров), стали фактической властью на местах. Уже с мая 1917 г., не дожидаясь никаких указаний из центра, губернские и уездные съезды Советов начали принимать решения о передаче пахотных земель и угодий в распоряжение волостных комитетов для последующего распределения. Таким образом, «черный передел» развивался по двум параллельным трекам: снизу – через прямые насильственные действия крестьянских масс, и на среднем уровне – через квазизаконные решения эсеровских по составу комитетов, которые пытались ввести стихию в некое русло [7, с. 183–189].

Временное правительство оказалось бессильно перед этим цунами. Его попытки направить карательные отряды для усмирения деревни проваливались. Солдаты, в подавляющем большинстве вчерашние крестьяне, не только отказывались стрелять в своих односельчан, но и массово дезертировали с фронта, чтобы успеть к разделу земли. Они приносили с собой оружие и боевой опыт, что делало крестьянские выступления еще более решительными. Эсеры и меньшевики, входившие в состав правительства, оказались в двусмысленном положении: будучи формально представителями власти, они не решались применять силу против своей основной социальной базы – крестьянства, что окончательно парализовало любые попытки восстановить порядок. В этой ситуации вакуума власти и право-

вого хаоса единственной политической силой, которая не осудила, а полностью поддержала и возглавила крестьянское движение, оказались большевики. Их гениальный тактический ход состоял в том, чтобы легализовать уже свершившийся факт. Принятый на II Всероссийском съезде Советов 27 октября 1917 г. «Декрет о земле», написанный В.И. Лениным, стал не причиной, а следствием и юридическим оформлением «черного передела». Большевики, не имевшие собственной проработанной аграрной программы, без колебаний «перехватили» ключевой эсеровский лозунг «социализации земли». Они включили в текст декрета «Крестьянский наказ», составленный на основе 242 местных наказов и отражавший подлинные чаяния деревни. Этот шаг обеспечил им решающую поддержку со стороны крестьянских масс в ключевые месяцы становления советской власти. Декрет провозглашал немедленную и безвозмездную отмену помещичьей собственности, передачу всех земель в распоряжение местных Советов и запрет на порчу конфискуемого имущества. Он провозглашал принцип уравнительного землепользования, согласно которому земля предоставлялась всем, кто желает ее обрабатывать своим трудом. Это был акт высочайшего политического прагматизма, позволивший большевикам оседлать волну народного гнева и направить ее в русло укрепления своей диктатуры [8, с. 942–945]. Таким образом, «черный передел» из стихийного социального явления превратился в легитимированный государством процесс, последствия которого определили всю дальнейшую историю аграрных отношений в России.

Анализ «черного передела» и последующей аграрной политики большевиков вскрывает фундаментальное противоречие между утопическими доктринами, революционным волюнтаризмом и жестокой реальностью российской деревни. Процесс, начавшийся как стихийное осуществление вековой крестьянской мечты о земле, был стремительно инкор-

порирован в логику государственного строительства нового типа, где крестьянство из субъекта революции превратилось в объект тотального контроля и эксплуатации.

Большевистская аграрная доктрина, несмотря на тактический союз с крестьянством, заключенный через «Декрет о земле», в своей основе была глубоко антикрестьянской. Марксистская теория рассматривала крестьянство как мелкобуржуазный, реакционный класс, обреченный на исчезновение в ходе исторического процесса. Идеалом коммунистического сельского хозяйства виделись крупные, механизированные коллективные хозяйства, по сути, «фабрики зерна», работающие по единому государственному плану [9, с. 43–47]. «Декрет о земле», провозглашая уравнительное землепользование, содержал в себе семена будущей трагедии: он декларировал преимущество коллективных форм хозяйствования над единоличными. Этот пункт, поначалу незаметный для крестьян, опьяненных получением земли, являлся идеологической бомбой замедленного действия. «Социализация земли», заимствованная у эсеров, в большевистской интерпретации означала не передачу земли в самоуправляемое распоряжение общин, а ее фактическую национализацию. Земля переставала быть объектом частной собственности, но не становилась собственностью крестьян; она превращалась в собственность государства, которое лишь временно «делегирует» право пользования ею. Эта доктринальная установка создавала теоретическую базу для последующего отчуждения крестьян от земли и результатов их труда, что в полной мере проявилось в политике «военного коммунизма» и в конечном счете в насильственной коллективизации [10, с. 983–987].

Реальность, с которой столкнулись большевики, была далека от их теоретических схем. «Черный передел» привел не к укрупнению, а к массовому дроблению хозяйств. Этот процесс был обу-

словлен двумя факторами: во-первых, в деревню хлынули миллионы отходников из городов, где закрывались фабрики, и демобилизованных солдат, каждый из которых претендовал на свою долю земли; во-вторых, возможность получить отдельный надел для молодой семьи стимулировала распад больших патриархальных семейных хозяйств [11, с. 244–246]. В результате количество крестьянских дворов резко возросло, а средний размер надела уменьшился. Хозяйства стали более мелкими, натуральными и менее товарными. Этот процесс «осередничивания» деревни на первый взгляд соответствовал эгалитарным идеалам, но с точки зрения государственных интересов (прежде всего снабжения городов и армии) он был катастрофой. Большевики оказались перед дилеммой: либо признать реальность и строить политику на основе сотрудничества с крестьянином-собственником, либо силой сломать эту реальность и подогнать ее под свою доктрину. Они выбрали второй путь. Лозунг «социализации» был быстро отброшен в пользу прямого государственного вмешательства. «Черный передел» был объявлен лишь первым, «буржуазно-демократическим» этапом революции в деревне, за которым должен был последовать второй, «социалистический» этап – борьба с «кулачеством» и организация коллективных хозяйств [11, с. 247–248].

Переход к политике прямого принуждения требовал идеологического обоснования. Таким обоснованием стала теория обострения классовой борьбы в деревне по мере продвижения к социализму. Крестьянство было искусственно разделено на три враждующие группы: кулаков (сельскую буржуазию), середняков (колеблющийся элемент) и бедноту (пролетарские и полупролетарские элементы, опора советской власти). «Кулаком» мог быть объявлен любой крестьянин, имевший излишки хлеба и не желавший отдавать их государству по твердым ценам. Эта схема, имевшая мало общего с реальной социальной структу-

рой деревни, где границы между группами были размыты, служила универсальным инструментом для оправдания насилия [12, с. 122–126]. Отказ сдать хлеб по продразверстке трактовался не как экономический расчет, а как акт контрреволюционного саботажа. Таким образом, экономические проблемы снабжения переводились в плоскость политической борьбы, а против «врагов народа» можно было применять любые, самые жестокие меры. Эта логика превращала государство в карательный орган, а продразверстку – в инструмент классового террора.

Для реализации политики государственного насилия были созданы специальные инструменты. «Черный передел», проведенный под эгидой волостных земельных комитетов и Советов, создал на местах органы власти, которые большевики стремились взять под свой контроль. Однако эти органы часто отражали интересы всей крестьянской массы и саботировали продовольственную политику центра. Поэтому летом 1918 г. была сделана ставка на раскол деревни и создание чрезвычайных органов – комитетов бедноты (комбедов). Комбеды, формировавшиеся из беднейших слоев деревни, наделялись широчайшими полномочиями по изъятию «излишков» хлеба у зажиточных крестьян. Часть изъятых зерно оставалась в распоряжении самих комбедов, что стимулировало их активность и превращало в инструмент разжигания гражданской войны внутри каждой деревни. Комбеды стали главным орудием «красногвардейской атаки на капитал» в сельской местности, проводя перераспредел не только земли, но и инвентаря, скота и продовольствия [13, с. 47–50]. Их деятельность привела к полному разрушению традиционных общинных связей и установлению в деревне атмосферы страха, доноительства и всеобщей вражды [14, с. 105–109].

Введение продовольственной диктатуры весной-летом 1918 г. ознаменовало окончательный отказ от каких-либо ры-

ночных отношений с деревней. Свободная торговля хлебом была запрещена. Все «излишки» (объем которых произвольно определялся государством) подлежали обязательной сдаче по номинальным ценам. Для изъятия хлеба в деревню направлялись вооруженные продотряды, состоявшие из рабочих и солдат. Их действия часто сопровождалось насилием, реквизициями и расстрелами. Система проддиктатуры была не просто экономическим механизмом, а алгоритмом государственного террора, направленного на подчинение крестьянства и изъятие у него всех ресурсов для нужд государства [15, с. 143–145]. Эта политика была прямым следствием «черного передела»: получив землю, крестьяне не получили права свободно распоряжаться продуктами своего труда. Государство, объявив себя верховным собственником земли, считало себя вправе претендовать и на урожай, выращенный на этой земле.

Хотя комбеды преподносились как органы диктатуры деревенского пролетариата, на практике они были инструментом политической манипуляции. Их создание позволило большевикам нейтрализовать эсеровское влияние в местных Советах и провести их «большевизацию». После того как комбеды выполнили свою задачу по расколу деревни и изъятию первого урожая, они были слиты с Советами, обеспечив в них доминирование лояльных режиму элементов. Эта операция продемонстрировала цинизм и прагматизм большевистской политики: социальная демагогия и разжигание низменных инстинктов (зависти, жажды наживы) использовались для решения конкретных политических задач – установления тотального контроля над деревней. Однако в долгосрочной перспективе политика опоры на люмпенизированные слои привела к деградации сельского сообщества и подрыву производственных сил [13, с. 47–50].

Продразверстка, введенная в начале 1919 г., стала логическим развитием

проддиктатуры. Она представляла собой систему государственных обязательств по сдаче продовольствия, которые разверстывались по губерниям, уездам и волостям, вплоть до каждого крестьянского двора. В отличие от налога размер продразверстки не зависел от реального урожая и производственных возможностей хозяйства. Она исходила из потребностей государства, которые считались абсолютным приоритетом. Идеологически продразверстка прикрывалась риторикой о «союзническом долге» крестьян перед рабочим классом. На деле это была система безэквивалентного изъятия сельскохозяйственной продукции, подрывавшая всякие стимулы к расширению производства. Крестьяне отвечали на продразверстку сокращением посевных площадей до уровня собственного потребления, что лишь усугубляло продовольственный кризис и провоцировало новый виток государственного насилия [16, с. 220–224].

Логика «военного коммунизма» не ограничивалась изъятием продукции. Она распространялась и на сам процесс производства. Была введена всеобщая трудовая повинность, в рамках которой крестьян могли принудительно привлекать к различным работам (лесозаготовкам, гужевым перевозкам и т. д.). Предпринимались попытки милитаризации сельского хозяйства, создания «трудовых армий» для проведения полевых работ. Эти меры отражали стремление большевиков превратить все население страны, включая крестьянство, в послушных исполнителей государственных предписаний, винтиков огромной милитаризованной машины. Эта политика тотального принуждения была вершиной революционного волюнтаризма, попыткой построить новое общество на основе внеэкономического принуждения и полного отрицания личной инициативы и материальной заинтересованности [16, с. 225–227].

Несмотря на кажущуюся эффективность системы тотального принуждения,

ее результаты оказались катастрофическими. «Черный передел», уничтожив крупные высокотоварные помещичьи и кулацкие хозяйства и заменив их массой мелких потребительских хозяйств, сам по себе привел к снижению товарности сельского хозяйства. Переход крупных земельных наделов к мелким крестьянским хозяйствам с их примитивной агротехникой вызвал резкий упадок агрокультуры. Поля засорялись, урожайность падала. Широкое распространение получили фитопатологические инфекции. Как отмечается в источниках, именно эта деградация агротехники стала одной из глубинных причин катастрофических потерь урожая в 1932 г., которые спровоцировали массовый голод 1932–1933 гг. [17, с. 6–10] Политика «военного коммунизма» усугубила эти негативные тенденции до предела. Ответом на террор и грабеж стало массовое крестьянское сопротивление, которое к 1920–1921 гг. вылилось в настоящую крестьянскую войну против советской власти (восстания в Тамбовской губернии, Западной Сибири, Поволжье и т. д.). Крестьянство, которое в 1917 г. поддержало большевиков в надежде получить землю и волю, к 1921 г. стало их злейшим врагом. Крах сельского хозяйства и угроза потери власти заставили Ленина пойти на «стратегическое отступление» – переход к новой экономической политике (нэпу), который временно восстановил рыночные отношения и спас страну от полного коллапса. Однако сам факт «черного передела» и последующая национализация земли создали юридическую и политическую основу для нового наступления на крестьянство, которое было предпринято в конце 1920-х гг. и вошло в историю как сплошная коллективизация [17, с. 12–20].

Выводы

«Черный передел» 1917–1918 гг., ставший апогеем многовековой борьбы русского крестьянства за землю, является одним из наиболее сложных и трагически противоречивых явлений отечественной

истории. Его анализ позволяет сделать ряд фундаментальных выводов о природе российской революции, диалектике взаимоотношений власти и народа, а также о долгосрочных последствиях радикальных социальных трансформаций, осуществляемых без учета объективных экономических законов и культурно-исторических реалий.

Во-первых, «черный передел» неопровержимо доказал, что аграрный вопрос был центральным, стержневым вопросом российской революции. Во-вторых, события 1917–1918 гг. вскрыли глубочайший разрыв между юридическим и народным правосознанием. Крестьянство действовало в рамках своей собственной системы ценностей, где право на землю определялось трудом, а не формальными документами о собственности. В-третьих, «черный передел» имел катастрофические экономические последствия в долгосрочной перспективе. Основным результатом перераспределения земли стало не только временное ослабление «земельного голода», но и тотальное измельчание крестьянских хозяйств. В-четвертых, «черный передел», вопреки ожиданиям, не привел к умиротворению деревни, он лишь изменил характер социальных конфликтов. Наконец, «черный передел» и последующая политика социализации земли стали фундаментом для сталинской коллективизации.

Таким образом, «черный передел» предстает как великая историческая драма. Он стал актом высшей социальной справедливости в понимании крестьянских масс и одновременно прологом к величайшей трагедии российской деревни. Удовлетворив вековую жажду земли, он лишил крестьянина свободы и в конечном счете самой земли. Этот парадокс является ключевым для понимания всей советской истории и служит грозным предостережением о последствиях социальных революций, в которых утопические идеологии и политический волюнтаризм берут верх над здравым смыслом и органическим развитием.

Список литературы

1. Канищев В.В., Цинцадзе Н.С. Социоестественные аспекты российской революции 1917 г. // История и современность. 2017. № 2 (26). С. 5-21.
2. Боголюбов С.А. Аграрно-земельные преобразования 1917 года // Аграрное и земельное право. 2017. № 8 (152). С. 13-23.
3. Теряков Д.С., Володина Н.В. Реформы Столыпина: направление, итоги и значение // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2012. № 1 (2). С. 12-18.
4. Забоенкова А.С. Правовое положение надельной земли в период аграрной реформы П.А. Столыпина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 6. С. 96-103.
5. Кабытова Н.Н. Организационные формы аграрной революции 1917 года в Поволжье // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8 (109). С. 165-178.
6. Медведев А.В. Крестьянская революция в России (1917-1918) // Наука. Мысль. 2017. № 1-2. С. 31-35.
7. Птицына Г.М. Конфликты крестьян в марте-октябре 1917 г. (на материалах Владимирской губернии) // Симбирский научный вестник. 2020. № 1 (30). С. 183-189.
8. Новосёлова Д.И. Аграрные реформы в России и принятие Декрета о земле в 1917 году // Теория и практика современной науки. 2016. № 12 (18). С. 942-945.
9. Козлов А.П. Аграрная политика большевиков в 1917 г. и в первые годы советской власти // Символ науки. 2019. № 9. С. 43-47.
10. Рассказов Л.П., Верховляд Д.А. Ленинская идея национализации земли и ее реализация в процессе формирования законодательной базы, определявшей статус земельной собственности после Октябрьской революции 1917 г. // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 94. С. 982-993.
11. Новикова Е.В. Правовое оформление земельных отношений в 1917–1926 гг. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. №2. С. 244-248.
12. Николашин В.П. Политическая борьба и конфликтность в черноземной деревне (1917-1920 гг.) // История: факты и символы. 2020. № 2 (23). С. 121-127.
13. Борисов В.И. Комитеты бедноты юга России в системе продовольственной политики Советской власти в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.) // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2 (2). С. 47-50.
14. Елифанов А.Е. Из истории организации и деятельности комитетов бедноты (по материалам Нижнего Поволжья) // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 105-109.
15. Алешкин П.Ф. Крестьянство и власть: военный коммунизм в Советской России // Власть. 2012. № 5. С. 143-145.
16. Колесник Э.Г., Тарасов М.Г. К вопросу о причинах краха политики «военного коммунизма» (попытка экономического анализа) // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2017. № 1 (5). С. 220-227.
17. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в Российской Федерации (РСФСР) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 1. С. 6-20.

References

1. Kanishchev V.V., Tsintsadze N.S. Socio-natural aspects of the Russian Revolution of 1917. *Istoriya i sovremennost'*. = *History and modernity*. 2017;(2):5-21. (In Russ.)
2. Bogolyubov S.A. Agrarian and land transformations of 1917. *Agrarnoe i zemel'noe parvo* = *Agrarian and land law*. 2017;(8):13-23. (In Russ.)
3. Teryakov D.S., Volodina N.V. Stolypin's reforms: direction, results and significance. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve* = *Models, systems, and networks in economics, technology, nature, and society*. 2012;(1):12-18. (In Russ.)

4. Zaboenkova A.S. The legal status of allotment land during P.A. Stolypin's agrarian reform. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* = *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2013;(6):96-103. (In Russ.)
5. Kabytova N.N. Organizational forms of the agrarian revolution of 1917 in the Volga region. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Vestnik of Samara State University*. 2013;(8):165-178. (In Russ.)
6. Medvedev A.V. The Peasant Revolution in Russia (1917-1918). *Nauka. Mysl' = Science. Thought*. 2017;(1-2):31-35. (In Russ.)
7. Ptitsyna G.M. Peasant conflicts in March-October 1917 (based on the materials of the Vladimir province). *Simbirskii nauchnyi vestnik* = *Simbirsk Scientific Bulletin*. 2020;(1):183-189. (In Russ.)
8. Novoselova D.I. Agrarian reforms in Russia and the adoption of the Decree on Land in 1917. *Teoriya i praktika sovremennoi nauki* = *Theory and practice of modern science*. 2016;(12):942-945. (In Russ.)
9. Kozlov A.P. The agrarian policy of the Bolsheviks in 1917 and in the early years of Soviet power. *Simvol nauki* = *A symbol of science*. 2019;(9):43-47. (In Russ.)
10. Rasskazov L.P., Verkhoglyad D.A. Leninskaya ideya natsionalizatsii zemli i ee realizatsiya v protsesse formirovaniya zakonodatel'noi bazy, opredelyavshei status zemel'noi sobstvennosti posle Oktyabr'skoi revolyutsii 1917 g. *Nauchnyi zhurnal KubGAU* = *Scientific journal of KubSAU*. 2013;(94):982-993. (In Russ.)
11. Novikova E.V. Legal registration of land relations in 1917-1926. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* = *Proceedings of Tula State University. Humanities*. 2013;(2):244-248. (In Russ.)
12. Nikolashin V.P. Political struggle and conflict in the Chernozem countryside (1917-1920). *Istoriya: fakty i simvoly* = *History: facts and symbols*. 2020;(2):121-127. (In Russ.)
13. Borisov V.I. Komitety bednoty yuga Rossii v sisteme prodovol'stvennoi politiki Sovetskoi vlasti v gody Grazhdanskoi voyny (1918-1920 gg.). *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* = *The Bryansk State University Herald*. 2012;2(2):47-50. (In Russ.)
14. Epifanov A.E. From the history of the organization and activities of committees of the poor (based on materials from the Lower Volga region). *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* = *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(1):105-109. (In Russ.)
15. Aleshkin P.F. The Peasantry and Power: War Communism in Soviet Russia. *Vlast' = Power*. 2012;(5):143-145. (In Russ.)
16. Kolesnik E.G., Tarasov M.G. On the question of the causes of the collapse of the policy of "war communism" (an attempt at economic analysis). *Sotsial'no-ekonomicheskii i humanitarnyi zhurnal* = *The Social and economic and Humanitarian magazine*. 2017;(1):220-227. (In Russ.)
17. Kondrashin V.V. Famine of 1932-1933 in the Russian Federation (RSFSR). *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeskikh istoricheskikh issledovaniy* = *Journal of Russian and East European Historical Studies*. 2010;(1):6-20. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Колупаев Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kolupaev79@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9438-3430

Andrej A. Kolupaev, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kolupaev79@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9438-3430